

ПЕРЕВЕЖЧИК

П.Ларин П.Барчук

Павел Барчук
Павел Ларин
Перебежчик
Серия «Игры Разума
(Барчук, Ларин)», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70358548

Аннотация

Я был успешным адвокатом. Ни одного проигранного дела. Связи, деньги, успех.

Но Судьба закинула меня в 1972 год, в тело сотрудника особого отдела. Теперь нет ничего. Кроме секретных разработок, пропавшего инженера, парочки убийств, исчезнувших чертежей и странной девицы с мутным прошлым. А еще... Мне кажется, я не совсем тот, за кого меня принимают.

Содержание

Глава 1. В которой я жутко хочу спать, но иду на службу	4
Глава 2. В которое снова фигурируют исторические личности	18
Глава 3. В которой кто-то пытается наслаждаться искусством, кто-то ищет улики, а кто-то вообще обнаглел	31
Глава 4. В которой меня ждут и я не обманываю чужих ожиданий	44
Глава 5. В которой я убеждаюсь, что любопытство не порок, а иногда даже благо	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Павел Барчук, Павел Ларин Перебежчик

Глава 1. В которой я жутко хочу спать, но иду на службу

Убийство Лилички, мягко говоря, стало для меня неожиданностью. Впрочем, количество этих неожиданностей и без того уже превзошло все допустимые нормы. Допустимые мной, конечно. Однако, смерть актрисы – совсем уж полный бред. Кому она, на хрен, нужна? Не в том смысле, конечно, что вообще никому. Имею в виду, в плане убийства.

Лиличка не знает никаких страшных тайн. Она играет на сцене провинциального театра. Я, конечно, слышал рассказы о том, как все эти творческие личности грызут друг другу глотки, но не настолько же. В личной жизни у нее тоже никаких драм нет. Кроме наших взаимоотношений. Но я то ее точно не убивал. Наоборот, мне она сейчас очень даже была бы нужна живой и здоровой. На некоторые вопросы ответы имелись только у Лилички.

Единственное, что можно притянуть за уши, это, один черт – я. Вернее, Максим Сергеевич с его деятельностью.

Но опять же, ее тихо грохнули. Не пытали, не требовали

открыть секрет государственного значения, потому как у нее этих секретов нет. Главная функция блондинки – информацию получила, информацию передала. Все. Короче, ерунда какая-то.

Ментов я, естественно, дождался. В итоге потратил половину ночи на всякие выяснения, пояснения, дачу показаний и так далее. Но вел себя прилично. Сразу сунул прибывшим сотрудникам удостоверение, которое было с собой. То, которое касалось моей службы на благо оборонной промышленности. Настоящее положение вещей светить не стал. Ситуация не настолько критическая. Конечно, сотрудники, явившиеся по звонку, поначалу сильно обрадовались. Ни хрена б себе. И труп тебе, и сразу подозреваемый имеется.

Скорая, которая приехала буквально за несколько минут до милиции, факт смерти подтвердила.

Однако, потом радость моих бывших коллег пошла на убыль. Для начала, после первой оценки состояния скончавшейся актрисы, прозвучала версия, что Лиличка, как я и думал, хапнула себе внезапные проблемы с сердцем. По крайней мере, чисто внешне было похоже на то. Более точно можно судить о причинах смерти только после вскрытия. Это уточнил мент, который записывал мои показания. Я заверил его, что совершенно не сомневаюсь в компетенции сотрудников правоохранительных органов и потому уверен, они несомненно разберутся.

Хотя, на самом деле, прекрасно понимал, ни черта там ни-

кто не разберётся. Ну, покажет вскрытие, например, остановку сердца. Бывает. Что ж. Такая молодая, как жаль... и все. Следов борьбы нет. Бардак – результат излишней экзальтированности хозяйки квартиры. Натура творческая, к тому же в театре известная своим весьма специфическим характером. Играла она не только на сцене, но и в жизни. Все. Дело закрыто. Несчастный случай. Вот ведь досада...

Тем не менее, в гостиницу я прибыл далеко за полночь. Пришлось ломиться в дверь, потом объяснять дежурившей тетеньке, что исключительно дела огромной важности задержали меня позже обозначенного в правилах времени, а никак не блуд и неуважение к дисциплине.

В итоге, спать улегся ближе к трем часам ночи. Просто еще тщетно пытался принять душ. Который будто объявил мне личную вендетту. Чем хуже настроение, чем поганее идут дела, тем больше вероятность отсутствия горячей воды.

Затем еще час пялился в потолок, размышляя о смерти актрисы. Вернее, не совсем о смерти. О рисунке крота на газете. Почему именно крот? Не кошечка, не собачка, не мышонок. Что было бы логичнее. Крот.

Хоть убей, в башке у меня росла и крепла одна единственная версия. Актриса хотела передать послание. Замок входной двери не сломан. Открывался он изнутри. Потому человек, или люди, которые причастны к смерти блондинки, уходя, не могли закрыть квартиру. Сделать это реально только с внутренней стороны.

В любом случае, гостя Лиличка впустила сама, добровольно. Все-таки я думаю, был гость. В единственном числе. И скорее всего, это – мужчина. Лиличку не утопили. Иначе имелись бы следы борьбы. В ванной она оказалась уже будучи мертвой. А значит, туда ее принесли на руках. Конечно, крепкая женщина могла бы сделать это. Но думаю, постарался мужик. Актрису не просто перенесли из комнаты, ее очень аккуратно уложили в максимально естественной для ситуации позе.

Версию о том, что Лиличку сначала вырубili, привели в бессознательное состояние, а потом устроили ей купание, тоже исключаю. Опять же, по причине слишком приличного вида актрисы. Она не захлебнулась. Она умерла раньше. Не от утопления, не от удушения, не от удара по голове. На теле вообще нет никаких подозрительных следов.

Складывается впечатление, будто блондинка реально легла в ванную, выпила вина и у нее остановилось сердце. По крайней мере, так высказался фельдшер скорой помощи. Мол, горячая вода, алкоголь и, возможно, предварительно перенесенный стресс, могли сделать свое дело. Мужу на вид было лет пятьдесят. Выглядел он слишком уверенно. Я в словах этого товарища не сомневался. Судя по тому, как быстро, ловко, со знанием дела он осмотрел актрису, практически ее не касаясь, можно вполне поверить, что об инфарктах, инсультах и прочей ерунде фельдшер знает все.

Вполне допускаю, умерла Лиличка и правда от проблем

сердечных. Вопрос в том, что именно вызвало эти проблемы. Я точно был уверен, они случились не сами.

Если разложить все поэтапно, выходит какой-то бред. К Лиличке пришел таинственный знакомый. Потом они говорили. В процессе разговора блондинка нарисовала муляжного крота. Затем вдруг решила, не пора ли отдать концы. Как порядочная женщина решила и сделала. Легла в ванную с винишком и тихо-мирно отошла на небеса. Или в прямо противоположную инстанцию. Тут затрудняюсь определить. Я не судья.

Чисто теоретически, получается черт знает что. И будь я незнаком с Комаровой, подумал бы, что за ересь. Не может такого быть. Ладно – насильственная смерть от вполне очевидных причин. Огнестрел, удушение, резаная или колотая рана. Да хоть пару синяков на худой случай. Но тут-то что? Однако, Александра Сергеевна хорошо научила меня одной вещи. Сдохнуть реально можно неожиданно. Например, от ядов, которые буквально недавно ею же и вспоминались. Если эту версию рассматривать, как верную, то вполне все совпадает.

Выходит очень даже логичная цепочка. Гость; разговор, который блондинка сочла опасным; рисунок крота на газете, потому что надо передать послание; потом – сердце, смерть, тело оказывается в ванной. Не само, конечно. Его туда принесли. Включили воду. Бокал бросили рядом с ванной. А затем пошли искать. Что?

Я взял газету, лежавшую рядом с кроватью на полу и устался на этого чертового крота.

Конечно же до прихода ментов, в квартире ничего не трогал. Но вот газетку прихватил. Им она все равно ни черта не скажет. А мне нужно разобраться.

Сука...крот, как крот. Очень даже хорошо нарисован. Не знал, что Лиличка столь талантливая особа.

В комнате был полумрак, я оставил включенным только торшер, но все равно рисунок мог рассмотреть в деталях. Лупился минут десять, когда вдруг заметил еще кое-что. Лиличка нарисовала своё послание прямо рядом с заметкой о каком-то съезде КПСС. Но при этом крот стоял боком, вытянув лапу вперёд. И эта лапа заходила на текст заметки. В том месте шла речь о дневнике съезда. Дневник...

Я раздражённо бросил газету на пол и снова устался с потолок. Лиличка мнила себя великой актрисой. Она верила в наличие у себя таланта всей душой. Люди, подобные блондинке, особенно творческие, считают, что рано или поздно мир оценит их. И часто ведут дневники. Дневник... Могла ли блондинка вести дневник?

Я на полном серьёзе задал себе этот вопрос. И сразу же ответил. Да. Могла. Она ведь даже имя себе изменила на манер Лили Брик. Вернее на манер того, как к возлюбленной обращался Маяковский. Это вполне в духе актрисы. Замутить себе историю с дневником, в котором она описывает самые значимые, например, события.

Соответственно, можно предположить, что послание, если, конечно это – послание, а не я идиот с большим воображением, имеет двойной смысл. Блондинка говорит, мол, есть «крот». И еще есть дневник. Уверен почти на сто процентов, опять же, говорит она это мне. Воду включенной оставили специально. Чтоб в определённый момент она перелилась через край и затопила соседей. Те, естественно, прибежали бы разбираться. Нашли бы Лиличку. Вызвали бы скорую и милицию. Хотя...спустя столько времени, наверно, смысл был бы уже только в милиции. Но дело не в этом.

Так как с родственниками Лиличка связи не поддерживает, единственный человек, не считая театральной труппы, с кем она близка – я. И опять же, это вообще не секрет. Наоборот. Роман наш был на виду у ее коллег. Ментам газета, на которой что-то намалевано, не даст ни черта. Они бы ее даже не факт, что заметили. Поэтому, рисуя на полях крота, Лиличка, наверное, понимала, я могу это увидеть. С другой стороны, как она могла знать, что меня понесет к ней домой?

В общем, промаявшись еще час, испсиховавшись в конце, я плюнул на все и уснул. Просто версии в моей голове множились, как грибы после дождя, постепенно приобретая все более фантастические черты. Естественно, проснулся совсем не в то время, в которое должен. Тупо проспал. Вскочил, вытаращил глаза на часы, завернул пару фраз матом, а затем бросился собираться.

На завод примчался позже начала рабочего дня. Началь-

ство, конечно, не опаздывает, оно задерживается. Но уж точно не в день перед приездом очень важных людей.

Первый человек, которого встретил, была Комарова. Нет, по дороге к управлению попадались сотрудники, но я пронёсся мимо них, не обращая внимания на лица. А вот Александра Сергеевна ждала меня в кабинете, скромно усевшись на диванчике. Вид у нее был очень несчастный и расстроенный.

Только я вошел, Александра Сергеевна вскочила на ноги, посветлела лицом и, по-моему, хотела броситься навстречу. Даже шаг сделала. У меня возникло ощущение, будто Комарова волновалась, не решил ли сбежать ее «партнер» раньше времени, один.

– Здравствуйте. А я уж подумала... – Начала она, но осеклась, заметив мой помятый вид.

Он, естественно, был помятый. Откуда ему взяться, приличному виду? Я сам знал, что выгляжу так, словно меня пережевали и выплюнули. Не выспался ни черта. Собираюсь впопыхах. С купанием даже не пытался экспериментировать. Там сто процентов не то, чтоб горячей воды нет, боюсь, вместо холодной просто кислота польётся. Если учитывать связь между работоспособностью душа и степенью моего хренового состояния. Глаза – красные, болят, будто песка в них насыпали.

– Да говорите, не стесняйтесь. Вы подумали, я решил... как бы это выразится... сделать ноги? – С ходу наки-

нулся на Комарову, хотя умом понимал, уж она в случившемся точно не виновата. Не в этот раз.

– Ну...не совсем... – Александра Сергеевна от моего напора совсем растерялась. Она очевидно заметила дурное расположение духа и пыталась понять, в чем причина.

– Не врите. Именно это Вы и подумали.

Я сам понимал, что со стороны мое поведение выглядит, как элементарная попытка докопаться и сорвать злость, но... Черт... Именно этого и хотел. Докопаться и сорвать злость.

Я прошёл к столу, плюхнулся на стул, а потом сразу рубанул правду-матку. Как есть. Без подготовки. Прямо в лоб.

– Лиличка мертва.

– Как мертва? – Комарова, которая при моем появлении вскочила на ноги, так обалдела от неожиданного заявления, что снова рухнула на диван, уставившись на меня круглыми глазами. – Это Вы ее...

– Охренеть... – Я развёл руки в стороны и покачал головой. – Ну, Вы, конечно, даёте, Александра Сергеевна. Я повашему совсем псих? На кой черт мне ее убивать?

– Не знаю...просто странное совпадение. Мы ведь сегодня должны идти на спектакль... Встреча с Вадимом...

Комарова хлопала глазищами, осторожно подбирая слова. Мне кажется, в ее взгляде даже мелькнуло что-то новое. Эмоция, похожая на искреннее удивление и настороженность. Такое чувство, будто она меня впервые увидела по-настоящему. Поняла, что человек я не сильно положи-

тельных качеств.

– Вот и я думаю...странное совпадение... А знаете, что интересно?

Александра Сергеевна в ответ на мой вопрос отрицательно покачала головой. Она вообще вдруг стала тихой и послушной.

– Сдается мне, ее отравили... – Снова без подготовки вывалил я на Комарову свои подозрения.

Буквально секунду в кабинете стояла тишина. Даже мухи предпочли притвориться спящими, хотя на дворе без пяти минут июль. Ни единого звука. Потом, наконец, Александра Сергеевна очнулась и с испуганным лицом выдала.

– Это не я!

– Конечно, не Вы. – Я усмехнулся. – У вас же нет суперспособностей. К примеру, бег со скоростью света. Просто иначе Вы бы не успели оказаться в квартире актрисы раньше меня. Причем раньше где-то на час. Может, на два. Вам надо было бы туда еще попасть, между прочим. Я очень сомневаюсь, что Лиличка вас так запросто пустила бы, а потом разговаривала спокойно. У вас с ней острое неприятие друг друга. Как минимум на полу обнаружили бы клоки вырванных волос. Так что, нет, не Вы. Это и ежу понятно. Но... проконсультируйте... Вопрос, можно сказать, профессионального характера. Вы упоминали яды. Может ли какой-то из них вызвать, например, инфаркт или инсульт. Но так, чтоб выглядело все естественно.

– Эм... – Александра Сергеевна нахмурилась, растерявшись ещё больше. Она точно не ожидала, что наша беседа свернет в такое русло. – Есть некоторые яды, которые могут убивать, не вызывая подозрения. Да, это так. Тот же кураре... Слышали, может? Он проникает в кровь, быстро вызывает паралич и смерть от удушья. Блокирует передачу нервного импульса к мышцам, что и приводит к параличу. А развивающийся паралич дыхательных мышц – к остановке дыхания. В то же время не нарушается сознание, поэтому смерть от отравления кураре, к сожалению, довольно мучительна. При этом его действующее вещество очень легко разрушается в желудочно-кишечном тракте, поэтому, например, мясо отравленных кураре животных можно спокойно употреблять в пищу. Или, к примеру, сабадилла. Она растет в Мексике. В ней специфическое действующее вещество. Тут, как раз, основной эффект приходит со стороны сердца. Наблюдается продолжительное состояние возбуждения и учащения сердцебиений. Затем систолические сокращения сердца делаются все более продолжительными, число ударов пульса падает вполовину и, наконец, сердце, при продолжающихся еще сокращениях, становится совершенно невозбудимым всякими посторонними раздражителями. Смерть наступает вследствие паралича сердца. Сабадилла является ядом именно для сердечной мышцы. Сперва возбуждающим, а затем парализующим ее деятельность. Так что, тут зависит от чего именно умерла Ваша актриса. Вари-

антов того, что привело к смерти, предостаточно.

– Да уж...глубокие познания... – Я смотрел на Комарову исподлобья, задумчиво. Она так спокойно рассказывала это все, будто мы обсуждаем вполне обычные вещи. – Теперь я точно не рискну есть что-то из ваших рук...

– Слушайте, Вы спросили сами... – Комарова вроде даже обиделась на мой комментарий.

– Сам...да...

Я закрыл глаза, оперся локтями о стол и спрятал лицо в ладонях. Вот было бы круто, если сейчас посмотрю перед собой, а там – светлое настоящее, плавно переходящее в не менее светлое будущее. И никаких проблем. Никаких шпионов, агентов, трупов, таинственных смертей. Как же настогребенило все это...

– Что Вы сказали? Извините, не расслышала. – Комарова подалась вперед.

– Говорю, как хорошо-то все у нас... – Ответил я ей, убрав ладони от лица.

– Мне кажется, Вы сейчас говорите с сарказмом...

– Вам не кажется. Ладно... надо заняться кое-чем...

– А я? – Комарова растеряннo смотрела на меня, не понимая, что от нее требуется и как вообще нужно себя вести.

– А Вы... Ступайте домой. Займитесь какими-нибудь приятными вещами. Не знаю... Парикмахерская, например. Ходите в парикмахерскую? Или махните в магазин. Выберите наряд. Мы сегодня, вообще-то идем в театр. Забыли?

– Как? Но ведь...

Комарова, видимо, начала терять логическую нить происходящего. Она хотела сказать, мол, какой театр, если Лиличка самым гадским образом умерла.

– Никак. И не вздумайте предупредить Вашего друга, что с нашей актрисой приключилась беда.

– Он мне не друг. – Комарова гордо вскинула подбородок.

– Ну, да...ну, да... Прямо, как в одном хорошем фильме про античного героя. Не царь он мне... Идите Александра Сергеевна. Готовьтесь. Я даю Вам выходной. Встретимся в театре. Билеты обещал предоставить Ваш друг, который Вам не друг.

Комарова молча поднялась с дивана, а затем направилась к выходу. Я так понимаю, она решила не спорить с человеком, когда этот человек пребывает в состоянии сильного раздражения и даже злости.

– Александра Сергеевна, – Окликнул я ее в последнюю минуту, – А в чем разница между терминами «крот» и «нелегальный агент»?

Комарова смотрела на меня целую минуту. Пыталась понять, насколько быстро прогрессирует моя неадекватность. И в принципе, это вполне логично. Я ведь сам – нелегальный агент, а спрашиваю у нее такие вещи. Более конкретного палева придумать сложно. Но, честно говоря... Не пошло бы все на хрен.

– Почти никакой. – Александра Сергеевна решила все-та-

ки ответить. – Термин «крот» начали использовать в Комитете. Это – агент, глубоко внедрённый в структуру противоположенных сил. Как правило, он поставляет особо важную, засекреченную информацию. Обычно, его вербуют до того, как он займет должность и получит доступ к сведениям. А «нелегал»... Человек, которого готовят на Родине, и потом отправляют в противоположный лагерь.

Не дожидаясь, что я выдам еще, Комарова резко открыла дверь кабинета и выскочила в коридор.

Глава 2. В которое снова фигурируют исторические личности

День по итогу получился у меня загруженный. Вернее, оставшаяся часть рабочего дня, учитывая опоздание. Может, это даже хорошо. Я хотя бы отключился от тех проблем, которые уже есть, и тех, которые крайне неожиданно свалились в виде очередного трупa. Фраза про скелеты в шкафу заиграла новыми красками.

Правда, у Беляева это ещё не скелеты, а всего лишь убитые неизвестно кем граждане, количество которых неуклонно растёт. Однако, и данный факт уже не вызывал сомнений, я превращаюсь просто в какого-то вестника смерти. Пусть косвенно, но люди гибнут по моей вине. За одним не досмотрел, вторую проворонил, теперь еще третья пополнила печальный список. И это не считая перспективы в очень ближайшем будущем увеличить злосчастный список еще на две персоны. Сознательно.

Единственное, что продолжало крутиться в мыслях, и избавиться я от этого никак не мог, вопрос – как гадский Максим Сергеевич планировал спасти свою задницу после убийства Фиделя Кастро? Вот тут не получалось отключиться вообще никак. Чем больше думал, тем сильнее верил, Лиличка

знала о планах Беляева. Уж не потому ли ее убили? И если смотреть с данной точки зрения, то вектор возможной вины показывал в сторону Маркова. Или я слишком предвзято отношусь к Белобрысому, или он замешан в смерти актрисы. Теоретически времени у него было слишком мало. Вряд ли успел бы. Но с другой стороны, хрен его знает... Может, Марков вообще не один. В том смысле, что есть еще кто-то из агентов ЦРУ рядом.

Все эти размышления в моей голове происходили сумбурно и достаточно смазанно. Потому что, едва Комарова покинула кабинет, практически сразу явился Калинин.

Владимир Александрович выглядел грустным и тоже слегка помятым. Даже, наверное, озадаченным. Опечаленным. Расстроенным. В общем, выглядел он как человек, у которого жизнь дала трещину. А ещё, как только Калинин появился на пороге, я почувствовал запах несвежих возлияний. Вчера начальник отдела, скорее всего, прибухнул. Люди обычно пьют в двух случаях. Либо с радости, либо с горя. По внешнему виду Калинин был от радости очень далек. Я бы сказал, быстрее у мужика имеются проблемы. Странная тоже история. Жены нет, семьи нет, а проблемы есть.

– Максим Сергеевич, вот и Вы... – Сообщил он с таким кислым лицом, будто отсутствие меня порадовало бы его гораздо больше. – Ждал Вас с утра. Но что-то не дождался.

– Володя, серьёзные дела были у твоего руководителя. – Я внимательно изучал припухшее лицо начальника первого

отдела.

Он, конечно, постарался скрыть последствия, и, возможно, на это никто не обратил бы внимания. Просто мне сейчас подозрительным кажется все. Даже случайные прохожие. А к Владимиру Александровичу вопросы уже имелись. Есть, о чем задуматься.

Калинин завис, уставившись в одну точку. Потом кашлянул в кулак и осторожно поинтересовался.

– У какого руководителя?

– Так... ясно... – Я выбрался из-за стола и подошел к особисту. – С образным мышлением у нас туго. Идем, посмотрим, что там готово, а что, не дай бог, не готово. Сегодня должны приехать сотрудники Комитета, как ты помнишь. Хотят убедиться в нашей компетентности.

– Подождите... – Калинин прямо заикнулся на моей фразе. – Какое руководство, не пойму. Еще кого-то принесло?

– Владимир Александрович... – Я вздохнул, положил ему руку на плечо, а потом, проникновенно заглянув в глаза, ответил. – Хрен с ним, с руководством. Все, кому нужно, уже здесь.

Калинин «завис» еще больше. У него даже рот немного приоткрылся. Видимо, он пребывал в шоке от крамольности моего высказывания. Столь неуважительное отношение к неведомому начальству поразило его до глубины души. Он не мог никак сообразить, что я вообще изначально говорил

о себе.

Может, даже, начальник первого отдела продолжил бы эту волнительную тему тему, но дверь в кабинет снова открылась и на пороге появился совершенно незнакомый мне мужик. В принципе, несмотря на огромное количество людей, трудившихся на заводе, большинство из них уже примелькались. Хотя бы отдаленно казались «своими». Этого товарища я видел впервые. Зато он наоборот вел себя слишком уверенно. Даже не постучал перед тем, как войти.

Выглядел гражданин лет на пятьдесят. Крепкий, с залысинами, в приличном костюме. То, что костюм приличный, я после своего недолгого пребывания в новой жизни уже мог понять с первого взгляда. Хорошо сделанную вещь здесь сразу заметно. Сидит идеально. Так понимаю, штучная работа портняжной руки.

– Аааа... – Калинин, обернувшись, увидел посетителя и радостно улыбнулся. Даже запах перегара пропал. Всосал он его в себя, что ли. – Так вот, о ком речь... Шутить извоите, Максим Сергеевич ...я думал и правда, кто-то по нашей линии прибыл. А вы вот про кого. Алексей Андреевич!

Володя раскинул руки и шагнул к незнакомцу.

– Я думал, Вы завтра, вместе со всеми прибудете. – Продолжал заливаться он соловьём.

– Ни в коем случае! Я должен убедиться, что все готово! – ответил мужик, а потом с таким же энтузиазмом размахнулся конечностями и двинулся навстречу особисту.

Мне показалось, еще немного и они реально обнимутся. В памяти сразу всплыло огромное количество кадров, на которых генсек с густыми бровями крепко и смачно чмокает всех подряд. Надеюсь, у них здесь не заведено повторять привычки большого босса... К счастью, обошлось простым рукопожатием. Однако, легче мне не стало.

Появившийся в кабинете человек явно был из числа важных персон. Иначе с хрена Калинин начал лить ему елей в уши? Точно большая шишка явилась. Но я, естественно, понятия не имел, кто это. И еще не имел понятия, знаком ли был с мужиком Беляев. Соответственно, не ясно, как мне себя вести. Сейчас кинусь демонстрировать радость, а мы вообще первый раз видимся. Или наоборот. Промолчу, а он какой-нибудь мегакрутой тип и наш с Беляевым лучший друг.

– Ну, что... – Алексей Андреевич повернулся ко мне, будто прочитав мои же мысли, и широко улыбнулся. – Максим Сергеевич...сколько лет, сколько зим...Крайний раз в Москве виделись. Тóлком даже не успели поговорить. Все на бегу...

Он протянул руку, которую пришлось пожать. При этом я, как последний идиот, тоже улыбался. Ну... один вопрос выяснили. Мы знакомы. Осталось понять, кто это, вообще?

– Пройдем в цехá? – Спросил новоприбывший товарищ почему-то меня.

Значит, реально знакомы. Он понимает, кто из нас двоих с Калининым главный. Я кивнул, мысленно проклиная эту

чёртову делегацию вообще и команданте в частности. Острову Свободы тоже достались пара матерных слов. Если бы не приезд Кастро, очень до хрена проблем остались бы в стороне.

– Как Ваш отец? – Спросил вдруг Калинин с очень серьёзным лицом. – Слышал, сдает старик...

– Ну, так...годы... – Незнакомец покачал головой и даже пару раз прищелкнул языком. Мол, так ему сильно жаль.

У меня же в этот момент возникло одно единственное желание – притвориться больным, спящим, можно даже мёртвым. Все равно на трупы нынче сезон.

Сложилась ситуация, которой я изначально ждал и боялся. Как только очнулся в чужом теле, знал, рано или поздно это произойдёт.

Вот есть человек, с которым Максим Сергеевич точно был знаком. А я вообще не понимаю, кто это. И сейчас, в любую секунду может получиться очень дебильная ситуация. Алексей Андреевич, например, задаст какой-нибудь вопрос, а в ответ получит – «ни хрена». Ибо чтоб ответить, нужно понимать, о чем речь. А как я могу понимать, если работа не моя, о самолётостроение не знаю ни черта, и вообще, из прошлых воспоминаний есть лишь те, которые связаны либо с Комаровой, либо с шпионажем.

С Калининым было проще. Для Калинина я – начальство. Все странности моего поведения он списывал на блажь и дурь руководства. Здесь же – ситуация иная. Алексей Ан-

дреевич мне явно не босс, но и я ему тоже. Мы где-то на равных. То есть, хмурить брови, кивать и периодически отвечать: «Сам подумай», тут не получится. Теперь еще и папаша какой-то всплыл. Причём, если начальник первого отдела заострил на этом внимание, значит, папаша не обычный товарищ.

– Великий человек. – Снова вылез со своими комментариями Владимир Александрович, чем вызвал у меня желание дать ему в морду.

Просто так. Чтоб трындел поменьше и более понятно. А ещё лучше, если бы Калинин вообще заткнулся. Мы бы шустро сходили в цехá, пока точно не понимаю, зачем, и разошлись бы с Алексеем Андреевичем в разные стороны.

– Да уж... – Мужик вздохнул. – Хоть он мой родной отец, и, возможно, это неприлично будет выглядеть, но не могу не признать, действительно великий... Даже я по началу насчёт сверхзвука сомневался. Нет, не отметал эту мысль. Ни в коем разе. Просто думал, не рано ли мы взялись. Теперь наш ТУ-144 известен во всем мире. Видите, даже с Кубы едут ради него.

То, что название самолёта и слово «наш» стояли в одном предложении, привлекло мое внимание. Я посмотрел на мужика более внимательно. Роба незнакомая, хоть убейся. Но он явно считает самолет, названный в честь своего создателя, личным достижением.

– Твою ж мать... – Вырвалось у меня против воли. Слиш-

ком неожиданной была мысль, пришедшая прямо в эту секунду.

– Что, простите? – Алексей Андреевич уставился на меня с улыбкой. Калинин – с удивлением.

– Говорю, ни черта ж себе! Даже в Кубе всем нужен наш самолет. Вот ведь...здорово... – Хотел сказать «круто», но подумал, не поймут.

– А-а-а-а-а... Ну, тогда точно, твою ж мать! – засмеялся Алексей Андреевич, фамилия которого, если я не дурак, наверное, Туполев. А отец его – тоже, выходит, Туполев. То есть, сейчас рядом со мной стоит человек, имеющий прямое отношение к большей части отечественного самолётостроения. Так, что ли?

– Представляете, как много это значит для отца? Он, конечно не признает вслух, но поверьте, после ареста, когда его обвинили во вредительстве и шпионаже...после всех лет... более пятидесяти летательных аппаратов, около сотни различных модификаций... – Алексей Андреевич помолчал секунду, а потом решительно махнул рукой. – Нет! Точно знаю, как важно все это для отца.

Я с умным видом мотылял башкой, будто китайский болванчик. Мол, знаем, понимаем... Хотя ни черта не понимал. Я толком даже не могу сообразить, какой из двух Туполевых – тот самый. Выходит, оба, что ли? И с хрена ли отца обвиняли в шпионаже? Первый раз слышу. Хотя, что уж греха таить... я слишком многое в этой новой жизни делаю в пер-

вый раз.

В общем, спустя два часа броджения по цехам, где Алексей Андреевич облазил каждый уголок, опросил каждого сотрудника, обнюхать каждую деталь, я, наконец, выяснил большую часть нужной мне информации. Естественно, не в прямую. Просто слушал внимательно, попутно задавал ненавязчивые вопросы.

Мужик и правда оказался Туполевым. Офигеть можно, конечно... Он вместе с отцом создал этот пресловутый самолёт, ради которого сюда едет Фидель Кастро – ТУ144. Разработки начались еще в 1960-х годах, в конструкторском бюро «Туполев». В 1968 году произошёл первый испытательный полет и мы изрядно приопустили британско-французский «Конкорд». Раньше буржуев управились. Да еще и преодолели сверхзвуковой барьер. Более того, обогнали скорость звука.

Все это я понял из обрывков разговоров, которые Туполев вёл то с одним человеком, то с другим. Мы реально ходили из цеха в цех, где Алексей Андреевич беседовал с мастерами. Я и Калинин просто следовали за ним по пятам, сохраняя на физиономиях умное выражение, и периодически кивали. Потому что я, к примеру, вообще ни черта во всем этом не понимаю. Правда, подозреваю, Володя тоже. С другой стороны, мы, в конце концов, не инженеры и не конструкторы. Наша работа – следить, контролировать, наблюдать.

Я два часа слушал про «фюзеляж», «шпангоуты», «реверс тяги» и ещё про огромное количество загадочных вещей. Под конец нашей рабочей прогулки по заводу, начал чувствовать лёгкое головокружение. Потому что вокруг все общались на языке, который мало напоминал русский. Для моего восприятия это выглядело так, будто окружающих просто тошнит алфавитом. Сплошные технические выражения, специальные обозначения, шифры, конструкторские коды и так далее.

– Ну? – Туполев, наконец, утомился, а потом вдруг повернулся к нам с Калининым, хитро улыбнулся и спросил. – Проведаем красавца? Он уже в ангаре. Готов к приему гостей.

Мы с особистом переглянулись. Владимир Александрович выглядел довольным. Я тоже. Только причина нашей радости сильно отличалась. Калинин реально был счастлив увидеть «красавца», а я просто не хотел смотреться на его фоне белой вороной, ибо снова не понимал, о чем речь.

Мы пошли в противоположную от цехов сторону. Там, вдалеке, виднелись серебристые покатые крыши ангаров. В один из них уверенно свернул Туполев.

В самом центре ангара стоял самолет. Что самое интересное, я ведь предостаточно видел в своей прошлой жизни крылатых птичек. Помотаться по миру пришлось не раз. Но сейчас почему-то появилось ощущение восторга. Серьезно. Будто я – туземец и мне впервые показали летающую ко-

лесницу.

Было в этом самолёте реально что-то необычное. Он напоминал мне... Черт... Он напоминал мне хищную птицу. Хищную, но при этом удивительно красивую в своей грации. Опасная белая птица, внутри которой таится огромная мощь. Честно говоря, от восторга даже под ложечкой засосало. Такое ощущение, будто с высоты сейчас буду прыгать.

– Ну, вот... – Туполев сунул руки в карманы брюк и замер напротив своего детища.

К нам навстречу направились сотрудники, которые, так понимаю, наводили последний лоск.

– Алексей Андреевич, все готово, не переживайте. – Крикнул один из них и помахал Туполеву рукой.

– Сами будете представлять? – Спросил конструктора Калинин.

Туполев ответил утвердительно. Мы постояли ещё немного и, наконец, отправились обратно к зданию управления.

Алексей Андреевич нас покинул, умчавшись по своим делам, а я и Калинин ещё два часа проверяли зону ответственности первого отдела. К тому же, на завод, как раз, пожаловали мои коллеги. За безопасность отвечали не только местные чекисты, но и представители московского 9-го управления. Мы обсудили все, что касалось той части маршрута, которая пройдёт на заводе. В общем и целом все остались довольны друг другом.

– Эх... – Протянул Калинин, глядя в спину уходящим че-

кистам. — А осенью будем иранского шаха встречать... Ему тоже самолёт подавай. Говорят, договор готов заключить. Вроде, с женой приедет... Никакого покоя...

Я покосился на Калинина, а сам подумал, что до шаха, к счастью, уже не дотяну. В хорошем смысле. Дай бог, в следующие два дня, наконец, все решится.

В общем, к концу рабочего дня я так ушатался, что желание у меня было одно. Прийти в гостиницу и лечь спать. Встречать Кастро нам предстояло в аэропорту уже утром.

Прилетит делегация в районе 11 часов дня, но на месте лично я должен быть чуть ли не с восходом солнца. Калинин останется на заводе, будет ждать нас здесь.

Но... как говорится в одной известной песне — покой нам только снится.

Поэтому я вышел через проходную, сел в машину и направился к гостинице.

Нужно было срочно привести себя в порядок, а потом топтать в театр. Грешным делом, надеялся, может, Белобрысый не смог достать билеты. Или, к примеру, спектакль отменили из-за смерти Лилички. Вряд ли, конечно. Даже прима имеет дублера. Но вдруг... Ни черта подобного. Чуда не произошло.

— Максим Сергеевич!

Тамара заметила меня издалека, едва я приблизился к ступеням гостиничного крыльца. Она подбежала к двери и распахнула ее передо мной.

– Приходил удивительно приятный молодой человек. Оставил для Вас билет в драматический театр. Что ж Вы бродите где-то? Через час уже начало. Такой вежливый...

– Эх, Тамара... – Сказал я, проходя мимо Кудряшки, – И ты повелась на его смазливую рожу...

– Максим Сергеевич... – Ее голос стал расстроенным, но я уже поднимался по лестнице.

Итак... Сейчас я переоденусь, а потом поеду в этот долбаный театр, чтоб встретиться с этим долбанным Марковым и узнать про свои долбанные перспективы. Но еще мне было очень важно посмотреть на поведение Белобрысого. По идее, знать о смерти Лилички он не должен. Вот и поглядим, как наш Вадимка примет новость...

Глава 3. В которой кто-то пытается наслаждаться искусством, кто-то ищет улики, а кто-то вообще обнаглел

По моей задумке Марков должен был охренеть, когда узнал бы новость о смерти актрисы. Ну, или не охренеть. Тут зависит от того, убивал Белобрысый Лиличку или нет. Имеет он вообще к этому отношение? Но лично я рассчитывал на эффект неожиданности. Мне нужно было видеть лицо Белобрысого в тот момент, когда он поймёт, что блондинка не вышла на сцену. Потом, опять же, интересовала реакция Вадика на известие о ее смерти. Даже самый искусный лжец не всегда контролирует свои эмоции и рефлексy. Тем более, если его застать врасплох.

А в итоге... В итоге охренел я сам. Это в мой план точно не входило, однако, с планом тоже вышла ерунда.

Сначала в холле театра появилась Комарова. Мы, естественно, с ней пришли раздельно. Да, по заводу бродят слухи о нашем романе, но еще в дачном домике Ведерникова, во время совещания, решили, все совпадения будут случайными. У меня – страстная связь с Лиличкой и на спектакль я пойду ради нее. Нежелательно нам с Комаровой в этот день

светиться вместе. А так... Александра Сергеевна пошла в театр. Я пошел в театр. Вадим пошел в театр. Да мало ли, кто еще туда пошел... Город не сильно большой, в конце концов.

В первую секунду даже не понял, что за особа выплыла из толпы зрителей, кучкующихся в холле. Реально выплыла, как та самая «каравелла по зелёным волнам». Потом незнакомка увидела меня, замерла и уставилась так пристально, будто мы знакомы.

Только после этого мои глаза медленно полезли на лоб. Между прочим, вовсе не образное выражение. Физически ощущал, как они становятся больше. Я реально остолбенел и, открыв рот, уставился на светловолосую особу, которая находилась в нескольких метрах от меня.

Александра Сергеевна, а это была именно она, нарядилась в платье, сшитое из очень странной ткани, которая выглядела матовой. Немного похоже на бархат, но значительно тоньше. Не знаю, как вообще материал может быть матовым. Однако данное сравнение подходило больше всего.

– Посмотри, вон та девушка... – Мимо меня продефилировала семейная пара. – Удивительно красивый крепдешин... Муся, я хочу чтоб ты достал мне такой же...

Видимо, речь шла как раз о Комаровой. Потому что эта пара смотрела в ее сторону. Крепдешин... Не слышал никогда...

Однозначно, смотрелся наряд очень красиво. Цвет – темный изумруд. Длина юбки – чуть выше колена. Платье ис-

ключительно подчёркивало и фигуру, и выразительные глаза Комаровой. Я даже не понял, в какой вообще момент начал применять к глазам Александры Сергеевны определение «выразительные».

На этом чудесное преобразование не закончилось. Я вдруг понял, что волосы у Комаровой вовсе не серые, как казалось раньше. Они – золотистые, с рыжеватым отливом. И когда на них падает свет от огромной люстры, висящей в холле, на локонах словно блики появляются. В общем, осталось сказать, что брови у Комаровой соболиные и все, вызывайте дурку. Вот что я понял, в итоге.

Мало мне, наверное, прошлых проблем, связанных с Александрой Сергеевной и нашими взаимоотношениям. Без того существовало это странное, плохо поддающееся рациональному объяснению, влечение. А теперь еще, оказывается, Комарова просто усиленно строила из себя дурнушку. На самом деле она весьма привлекательна.

Подходить мы, естественно, друг к другу не стали. Александра Сергеевна первой отвернулась, прекратив пялиться на меня, а затем направилась в сторону зала. При этом я вдруг заметил, как сексуально она покачивает бёдрами. Тонкая ткань платья прилегала к...прости Господи... аж в жар бросило... к заднице Комаровой. Я, как дурачок, заморожено наблюдал за движением ягодиц Александры Сергеевны. Они поочерёдно при шаге то поднимались, то опускались, и самое последнее, о чем думал в данную минуту, это о пред-

стоящем спектакле, о погибшей Лиличке и о Маркове.

Потом случился второй этап охреневания. В холле появился Марков. Под ручку с Филатовой. Нет, мы конечно обсуждали, что в театр я отправлюсь к Лиличке, Комарова из любви к искусству, а Вадимка на свидание со спутницей. Вот такие у нас были легенды. Но, твою ж мать... Филатова?! Он издевается, что ли? Притащить с собой особу, которую мы, собственно говоря, планируем принести в жертву? При чем, сама Нина Ивановна выглядела не менее ошалевшей, чем я. Она, похоже, не ожидала от Маркова столь романтического поступка. Видимо, в театры он ее раньше не водил.

Потом Ниночка заметила меня и ошалела еще больше. Она даже пару раз споткнулась на ровном месте, пока Белобрысый торжественно вёл ее к зрительному залу. Филатова постоянно оглядывалась в мою сторону и с каждой секундой становилась все мрачнее. Точно стало понятно одно — для Нины Ивановны мое присутствие в театре является полной неожиданностью.

Я мысленно усмехнулся. Это она еще Комарову не видела. Вот, наверное, «обрадуется». О чем думал Вадимка, интересно? Он не может не знать, сколь сильна неприязнь между этими женщинами.

Однако я недооценил степень сарказма и иронии, которые оказались присущи Белобрысому. Он не просто притащил с собой Ниночку. Он все билеты приобрел на одном ряду. Места шли друг за другом. Поэтому, когда я в числе послед-

них зрителей вошел в зал, оказалось, слева – сидит Комарова, справа – Филатова. И только после Ниночки, с краю, я увидел до одури довольного Вадимку.

– Это что, шутка такая? Я думала, мы стараемся не афишировать свое знакомство. – Высказалась Комарова, расправляя платье на коленях и усаживаясь поудобнее.

Она смотрела только вперед, на сцену. Даже головы не повернула. Поэтому со стороны все выглядело так, будто Александра Сергеевна беседует сама с собой. Бормочет что-то под нос. Этакая городская сумасшедшая, которой для компании никто не нужен. Ей и одной неплохо.

– Если имеете в виду наше с Вами знакомство, то сложно не афишировать то, о чем судачит весь завод. Если же речь про Вадима Александровича, то затрудняюсь ответить. Не могу сказать, чем он руководствовался при выборе мест.

Я, как и Александра Сергеевна, пялился на сцену, всем своим видом демонстрируя интерес к предстоящему мероприятию. Хотя, сказать честно, никогда не любил театр ни в каком его проявлении.

– Не очень уместная ситуация для Вашего блестящего чувства юмора. А еще, хочу напомнить, не все то золото, что блестит. Помните, да? Конечно я имела в виду, почему Вадим находится сейчас рядом с нами. – Комарова явно не была настроена на конструктивный диалог. Особенно после появления Филатовой.

– А это Вы своего друга спросите. – Ответил я.

Говорить приходилось очень тихо из-за близости Нины Ивановны. Она и без того пребывала в состоянии легкого шока из-за нашей коллективной встречи. Еще не хватало, чтоб Ниночка разобралась в хитросплетениях этой сложной истории. Думаю, Маркову она задаст много вопросов.

Филатова, сидящая по правую руку от меня, повернула голову, посмотрела внимательно, словно хотела высказаться, но потом молча отвернулась. Теоретически, она вообще, наверное, в крайней степени офигевания. Как в старой серии «Ералаша». Ничего себе за хлебушком сходил! Так и в ее случае. Мужчина позвал в театр, а тут столь неожиданный поворот. Интересно, как вообще Вадим объяснит ей все это.

И только Белобрысый выглядел довольным. Его вообще ни черта не смущало. Думаю, дело не только в желании Вадима развлечься. Скорее всего, тот факт, что он притащил с собой Филатову, имеет скрытый смысл. Жаль только, этот смысл известен лишь Белобрысому. Учитывая отсутствие доверия между нами, что вполне естественно, я бы хотел знать, какого черта он задумал.

Хотя, с другой стороны, у меня ведь тоже имеются определённые цели. На поведение Маркова я обращаю сейчас больше всего внимания. В частности, интересует, как Вадимка поведёт себя, узнав о смерти Лилички.

В принципе, тут вопрос стоит так... Думаю, конечно, он не сам ее убил... Чисто физически не успел бы. Но если Марков изобразит шок и страдание, скорее всего, есть еще кто-

то. Я покосился на Филатову. Она сидела с прямой спиной, будто палку проглотила.

Невольно в голову закралось сомнение, где, интересно, была эта дамочка вчера вечером? И ее верный друг Игорек. Из-за приезда делегации я никак не могу до конца разобраться с инженером. А там, между прочим, тоже какая-то муть вырисовывается.

Наконец, зрители уселись, свет в зале стал приглушённым. На сцену вышел тот самый мужик, которого я видел на репетиции, когда приходил для разговора с актрисой. По-моему, он – режиссёр.

– Товарищи, случилась настоящая трагедия... – Мужик выдержал паузу. Зал настороженно замер. Уж что-то, а трагедии наши граждане очень любят. Им спектакль теперь не столь интересен, как слова режиссёра. – Сегодня мы узнали об ужасной несправедливости. Из жизни ушла талантливая актриса, прекрасный человек. Удивительная женщина...

Ничего себе... Стоило Лиличке умереть и все, она сразу стала и талантливой, и прекрасной, и удивительной. А всего лишь несколько дней назад уборщица вдохновенно рассказывала мне, как сильно Лиличку не любят коллеги за отвратительный, высокомерный характер...

– С прискорбием я вынужден вам сообщить, что вчера, от сердечного приступа, скончалась наша ведущая актриса, которую вы все любили, Лиля Беленькая.

– Беленькая... – Шепотом протянула Комарова. – Пош-

лость какая...

И в ее голосе, между прочим, не было ни капли сожаления. Впрочем, Александра Сергеевна о смерти блондинки была осведомлена. Да и на самом деле, прямо скажем, с выбором псевдонима Лиличка не особо оказалась оригинальной.

Я отвлекся от Комаровой, повернул голову и принялся наблюдать за Вадимом. Мне нужно было видеть, как он себя поведет.

Марков сидел с каменным лицом. При этом желваки на его скулах ходили с такой силой, что я мог оценить это даже на расстоянии.

Белобрысый вдруг тоже повернулся и уставился прямо на меня. В его взгляде была злость. Я бы даже сказал, бешенство. Мне кажется, не будь мы в данную секунду в театре, Вадик кинулся бы на меня с кулаками.

Соответственно, выводов несколько. И выводы эти крайне неутешительные. Вадим не знал о смерти актрисы. Вадим этому совсем не рад. Вадим решил, что Лиличку замочил я. Иначе как еще объяснить этот всплеск агрессии.

Хреново... Если Марков непричастен, то у нас возникла новая проблема. Кто, а главное – на хрена убил актрису?

Вообще, конечно, молодцы. Уже второй человек при известии о гибели блондинки думает, будто устроил ей эту гибель Максим Сергеевич.

– Но мы не отменили представление... Просто не имели

на это права... – Продолжал свою трогательную речь режиссер. – Во имя ее таланта. Во имя великого искусства. Сегодня мы сыграем спектакль в память о Лиле...

Он опустил голову, постоял секунду, а потом покинул сцену в полной тишине. Тишина, кстати, не была следствием того, что зрители прониклись словами режиссера. Мне кажется, большинство из них вообще не поняли, о ком речь. Просто хлопать после такого выступления вроде глупо.

– Нина... – Марков резко встал с места и посмотрел на Филатову сверху вниз. – Мы уходим.

– Как уходим? – Ниночка подняла изумлённый взгляд на Белобрысого.

– Я – ногами. Ты знаешь иной способ?

Вадимка реально был в бешенстве. И с каждой минутой зверел все сильнее.

– Но... – Филатова хотела, наверное, сказать, что поведение Маркова отдаёт неадекватностью. То тащит в театр, то из театра. Но глядя на Вадима, решила не рисковать.

– Молодой человек, – С заднего ряда послышался раздражённый шёпот. – Вы, может, сядете? Спектакль, между прочим, начался.

Вадим оглянулся назад, но промолчал. Он выбрался из ряда кресел, а затем направился к выходу.

Филатова вздохнула и посмотрела на меня. Именно на меня. Внимательно посмотрела, с легким прищуром.

Я снова заподозрил, что Нина Ивановна имеет большое

желание высказаться. Однако, если это и было, она все равно не решилась произнести вслух свои мысли.

Ниночка, прощаясь, молча протянула мне руку, которую я пожал в ответ. Не видел повода этого не сделать. Хотя, с левой стороны раздалось тихое «хмыканье». Но игнорировать жест Филатовой было некрасиво. В конце концов, я же не мудак какой-нибудь. Она взяла свою сумочку со своих же колен, поднялась и пошла следом за Вадимом.

Да, Ведерников был прав. Ниночка боится Белобрысого до одури. Выходит, Игорь Леонидович насчёт этого факта не соврал. Марков, похоже, на самом деле держит ее на коротком поводке. Если вспомнить рассказ сумасшедшей матери Филатовой, Вадим приехал в деревню, чтоб отыскать доказательства связи этой семьи с человеком, которого даже реабилитировать отказались. Хотя, был период, когда всех подряд из врагов народа переквалифицировали в пострадавших от произвола. Соответственно, на тот момент Вадим уже знал, что Ниночка – внучка Рюмина.

Что-то до хрена Белобрысый у нас знает. И про Комарову, и про Филатову. Кто-то сливает Вадимке информацию. Подозреваю, он с Ниной Ивановной познакомился целенаправленно. Изначально был в курсе, она ему не только пригодиться, но и станет послушным оружием в руках.

– Вот и поговорили. – Тихо прокомментировала Александра Сергеевна. Она по-прежнему пялилась на сцену и вслед уходящей Ниночке даже не глянула.

– Молодые люди. У вас есть совесть? – Снова начал возмущаться кто-то сзади. – Вы мешаете смотреть постановку. Это недопустимо, в конце концов.

Комарова покосилась на меня. Я на нее. Вообще, конечно, явно что-то пошло не так. Мы должны были обсудить с Марковым конечный этап подготовки. В частности, то, что касается Филатовой и Ведерникова. Договориться о некоторых деталях. Ну, и в связи с неожиданной кончиной Лилички, я бы хотел знать, кто угробил актрису. Потому что только имя убийцы даст мне понимание, зачем это сделали? Какое отношение ее смерть имеет ко мне. А я уверен, точно имеет.

Тем не менее, мы с Комаровой высидели до конца спектакля. Торопиться было некуда. Вернее, конечно, есть, куда, но я рассудил, сейчас не нужно пытаться догнать Маркова.

Во-первых, ему необходимо успокоиться, иначе разговор у нас не сложится. А вот мордобой – очень даже. В любой другой ситуации, честно говоря, вообще не против. Но не перед появлением Кастро. Мы с Вадимом точно не друзья, однако, переводить его в лагерь радикальных врагов тоже глупо.

Во-вторых, Филатова, в обществе которой Белобрысый находится, – совершенно ненужный свидетель.

Соответственно, даже не обсуждая это вслух, мы с Александрой Сергеевной остались в театре. Причём, явно и она, и я не особо вникали в то, что происходит на сцене. Оба мы были погружены в свои мысли до самого финала представ-

ления.

Не знаю, о чем думала Александра Сергеевна, а я – сообщал, чего теперь ждать от Белобрысого. Он явно решил, будто смерть Лилички – моих рук дело. Отличная, конечно, репутация у Максима Сергеевича. Даже Вадимка, предатель и мутный тип, считает его хладнокровным убийцей. Похоже, пока Марков следил за Беляевым, составил лично свое мнение о нем... Марков... Следил за Беляевым... Мне захотелось со всей силы шлепнуть себя по башке.

– Черт!

Я вытаращился на сцену, переваривая догадку, которая пришла мгновение назад в голову. Догадка эта настолько очевидна, что я сам себя готов был убить за глупость. На сцене как раз раскланивались актёры. Я вскочил с кресла, сообщая, как лучше сейчас поступить.

– Не думала, что Вас так затронет спектакль. Вы не похожи на человека с тонкой душевной организацией. – Комарова, расценив мой порыв по-своему, тоже встала и начала хлопать в ладоши. «Браво» и «бис» не кричала. Хотя на этом спасибо.

Меня же от аплодисментов удерживали две вещи. Первая – хотелось уже быстрее оказаться на улице и разыскать Вадима. Нам надо поговорить до того, как настанет утро и приедет команданте. Марков следил за мной. То есть, за Максимом Сергеевичем. Соответственно, он должен знать, где Беляев бывал, чем занимался. В этой инфор-

мации есть шанс найти подсказку, как именно мой предшественник собирался избежать наказания за смерть Кастро.

Вторая причина, по которой хлопать в ладоши не мог, — одна моя рука была немного занята. И пока что я не имел возможности переложить в карман находящийся в кулаке предмет. Рядом была Комарова. Я уже эту особу знаю. Она ухитряется заметить то, что вообще не должна. А мне сложно будет объяснить Александре Сергеевне, за каким чертом Филатова во время рукопожатия передала из ладони в ладонь ключ. Потому что сам не понимаю, почему она это сделала.

Глава 4. В которой меня ждут и я не обманываю чужих ожиданий

Из театра мы вышли с Комаровой вместе. Чего уж страдать ерундой, соблюдая никому не нужную конспирацию, когда с самого начала она, эта конспирация, накрылась медным тазом. Благодаря извращенному чувству юмора Белобрысого.

Я вообще, если честно, не понял его хитрого замысла усадить всех нас рядом. Так же как не понял появления Филатовой. А теперь спросить не получится. Вадим, думаю, пока ещё пребывает в состоянии некоторого расстройтва. Даже неожиданно. Не предполагал, что он настолько привязан к актрисе.

Я до последнего надеялся, Марков будет ждать конца спектакля на улице, возле театра. Или в фойе. Перебесится, отвезёт Ниночку и вернется. Мы ведь так ни черта не обговорили в плане моментов, связанных с Филатовой и Ведерниковым. Белобрысый подготовку той части плана, в которой они фигурируют, взял на себя. Насколько все готово, теперь непонятно.

Мои надежды не оправдались. Маркова нигде не было видно. Честно говоря, это расстраивало и даже в некотором роде напрягало. Завтра уже будет не до разговоров. Завтра

придётся реализовывать все то, о чем мы говорили на даче. А мне просто до ужаса этого не хочется. Я вообще очень рассчитывал на актрису. На то, что она расскажет кое-какие отсутствующие в памяти моменты. Кто же знал, что ее совершенно гадским образом убьют.

– Вы тоже думаете, нет смысла прятаться от лишних глаз? – Спросила Комарова, когда я придерживал тяжелую дверь, пропуская ее вперед.

– Да. – Вышел следом за ней и остановился на крыльце. Александра Сергеевна замерла рядом. – Зачем играть в шпионов там, где это не нужно вообще? Тем более, если мы с Вами будем делать вид, будто не заметили друг друга, просидев при этом весь вечер плечо к плечу, такое поведение вызовет гораздо больше подозрений. Согласитесь, похоже на крайнюю степень идиотизма. Слушайте... Как думаете, зачем было вот это все?

Я сделал жест рукой, очертив в воздухе полукруг. Имел в виду поход в театр.

– Не могу утверждать, но есть предположение... – Комарова стояла рядом, хотя при этом смотрела вдаль. Не на меня. Мы отошли с ней в сторону, дабы не мешать остальным театрам спускаться с порожek.

– Я считаю, Вадим знал, что за нами могут наблюдать. Он специально хотел показать кому-то всю нашу компанию. Более того, хотел заострить чье-то внимание на присутствии Филатовой.

– Подождите... – Я задумался, переваривая слова Комаровой. – То есть, получается, его цель – заставить поверить кого-то неизвестного, будто Нина Ивановна, грубо говоря, из нашей песочницы?

– Скорее всего, да. Учитывая, какая роль ей отведена во всем предстоящем действе. Идемте. Что стоять... Вадим не вернётся, это уже понятно...

Александра Сергеевна начала спускаться по ступеням. Я, естественно, двинулся за ней. Действительно, зачем маячить на этом крыльце?

Вручённый Ниночкой ключ я уже спрятал в карман. Когда покидали зал, в топе, это сделать оказалось проще простого.

Шёл следом за Комаровой и попутно оображал, как поступить лучше.

С одной стороны, не мешало бы поговорить с Вадиком. Он следил за Беляевым. Мог заметить что-то странное или важное. Правда, не уверен, что Вадик уже успокоился и горит желанием поговорить со мной. С другой стороны интересовал этот чертов ключ.

С какой целью мне его передала Нина Ивановна? Чисто теоретически, похоже на то, что ключ от квартиры. От чьей? Вопрос... Опять же, чисто теоретически, скорее всего, от квартиры Филатовой. На кой черт ей совать мне чужие ключи. И если она ничего не сказала вслух, значит не сомневалась, я наверняка пойму, что мне с этой вещью делать.

В общем решил так. Где искать Маркова, я понятия

не имею. Место его постоянной дислокации не известно. Начну спрашивать Комарову, она точно попрется со мной. А я бы предпочел переговорить с Вадимом наедине. Но... Этой информацией может обладать Филатова. Значит, по логике вещей, идти нужно к Ниночке домой.

– Вас проводить? – Поинтересовался я у Комаровой, которая тоже была задумчивой, и больше ни о чем со мной не говорила.

– Не обязательно. Единственное... Вы же на машине? Была бы очень благодарна, если бы Вы отвезли меня куда-нибудь поближе к нашему району. Сейчас с транспортом уже проблематично. Тройбус придется долго ждать. А до ближайшей остановки трамвая идти слишком долго.

Я кивнул и направился туда, где оставил «Волгу». Комарова молча топала за мной.

Уже по дороге, когда мы переехали мост, она все-таки нарушила тишину, заговорив о наступающем дне и о событии, с этим связанном.

– Учитывая, что Вадим так внезапно убежал, думаю, действовать будем по заранее оговоренному плану. Как и решили изначально. Если бы что-то изменилось, он бы в любом случае сказал. Несмотря на сильное эмоциональное переживание, связанное со смертью вашей актрисы, на кону слишком важная информация. Сами понимаете... Он не откажется от нее. Поэтому, сколь сильно он бы сейчас не злился, все равно не сорвет операцию. Кстати... Вы думали, это

Марков убил Лиличку?

– Я уже вообще ничего не думаю...

– Он бы не успел. – Уточнила Комарова, словно я сам не понимаю данного факта.

– Знаю. И меня сильно напрягает этот факт. Будь убийцей Вадим, я чувствовал бы себя гораздо спокойнее. Хотя бы никого больше не надо подозревать. И сюрпризов ждать тоже не надо. А так... совершенно непонятно, кому и за каким дьяволом это понадобилось. Лиличка – мой связной. Других грехов за ней не водится. Значит, убили ее из-за меня. Но... Как Вы заметили, а я уверен, Вы точно заметили, Марков наоборот, решил, будто убийца – я. Тоже интересно, конечно...

– Да уж... – Комарова помолчала несколько секунд. – Ну, сейчас-то нам уже точно не до этого. Времени нет, чтоб выяснять, кто, зачем и почему убил актрису. Завтра прилетает делегация... Я буду среди встречающих. Как и договорились. Весь город знает, что прибудет Фидель Кастро. Так что... Затесаться в толпе тех, кто желает поприветствовать команданте, будет не сложно.

– Да... Я все помню. Кому и что нужно делать, тоже помню...

Александра Сергеевна покосилась на меня с каким-то странным выражением во взгляде, но говорить больше ничего не стала. Мы снова погрузились каждый в свои размышления.

Неподалеку от общежития Комаровой я притормозил. Она выбралась из машины, кивнула, прощаясь, а потом ушла в сторону трёхэтажного старого здания.

Я же вырулил обратно на дорогу, развернулся и поехал к Филатовой. Адрес помнил хорошо. Еще в первые дни когда изучал личные дела, в голове отложились и улица, и номер дома. Жила Ниночка неподалёку. Они тут все кучкуются рядом. Инженер, Нина Ивановна, Комарова...

Внимательно смотрел на дома, мимо которых двигался, чтоб не пропустить нужный номер. Наконец, увидел те самые цифры. Подъехал с торца и остановился. Это была кирпичная пятиэтажка. Из разряда тех, которые называют «хрущевками».

Выбрался из машины, подошёл к подъезду. С обеих сторон в палисаднике виднелись достаточно густые кусты сирени. Что за дурацкая у них манера устраивать такие заросли под окнами? Просто рай для всякого жулья и ворья.

Я задержался у входной двери, задумчиво рассматривая сирень. Вспомнился почему-то вечер, когда убили актрису. Я ведь перед тем, как войти, обратил внимание на посторонние звуки. Потом решил, будто в темноте ширится кот. Но... Может и не кот это был вовсе... Может, это как раз убийца прятался в кустах. Увидел, как я иду к актрисе, и прыгнул в палисадник, чтоб избежать встречи. Но тогда получается... Он точно знает меня в лицо. А что еще более важно, я тоже его знаю. Иначе на кой черт ему от меня нужно таиться.

В любом случае, сейчас время вспять не повернёшь. Надо было проверить эти дурацкие кусты возле дома Лилички. Конечно, актрисе моя бдительность здоровья не прибавила бы, но глядишь, нашел бы кое-кого поинтереснее кота. А теперь остается только ломать голову. В том числе о странном послании, которое актриса мне оставила. Если, конечно, я все понял правильно.

Крот... По идее, выходит, есть рядом некто, работающий на две стороны. И дневник... Если дневник существует, где Лиличка могла его спрятать? В квартире только. Наверное. Больше-то нигде. И домой к ней явились, наверное, не просто так. Тем более, человек этот блондинке был знаком. Она сама его впустила.

Черт... чисто по логике, все упирается в Маркова. Он знает меня, я знаю его, и обоих нас знает актриса. Если бы не одно маленькое «но». Белобрысый реально не мог вообще никак сделать все это. Ему нужно было бы оказаться в квартире блондинки минимум за час до моего появления. А он в это время находился в домике Ведерникова.

Потупив еще несколько минут возле подъездной двери, я плюнул на все и вошёл внутрь. Время идет. Мне бы еще поспать не мешало.

Зачем тратить время на эти мысли, терзания совести и размышления «если бы, да кабы...». Все, теперь как есть. Нужно отталкиваться от нынешнего положения вещей.

Разыскал нужную квартиру, остановился возле нее и за-

думался. Будет, конечно, тот еще номер, если я сейчас начну левым ключом открывать левую дверь. Соседи чего доброго за вора-домушника примут.

Однако, обошлось без лишних движений. Моих, естественно, лишних движений. Дверь нужной квартиры тихо распахнулась и оттуда выглянула Нина Ивановна. Посмотрела на меня, а потом кивнула, приглашая войти.

– Ну... Значит не ошибся. Ключ – это просто намек. – Констатировал вслух, сам себе. Филатова уже скрылась в квартире.

Честно говоря, имелось странное ощущение. Чувство тревоги. Так, наверное, можно сказать. Но я все равно переступил порог и прикрыл за собой дверь. Что уж может быть хуже всей той хреновины, которая творится вокруг меня? Оказалось, может.

– Нина Ивановна...

Я тихо позвал хозяйку квартиры, осторожно двигаясь по коридору вперед. Не стоять же в дверях, честное слово. Хотя, казалось бы, на хрена осторожно? Что мне может сделать эта особа? Чисто теоретически – ничего. Но мы уже ученые своей новой жизнью в роли Беляева. Нам уже прилетало от всяких особ, которые тоже ничего плохого сделать не могли. Чисто теоретически. А сделали. Тем более, от Филатовой я точно приятных сюрпризов не жду.

– Проходите, Максим Сергеевич, не стесняйтесь. – Раздался ее голос из спальни.

Ниночка ждала меня в комнате. Она сидела в кресле, закинув ногу на ногу. Симпатичного вида халатик разъехался в стороны в районе коленок, позволяя эти коленки наблюдать во всей красе. Женщина в подобной позе всегда вызывает у меня какие-то ожидания. Как правило. Либо она сейчас начнет процесс соблазнения... Однако мы с Филатовой данный этап уже прошли. По крайней мере, сильно на это надеюсь. Нина Ивановна, конечно, особа с большим количеством тараканов, но будет жаль потраченного времени, если она снова решила взяться за старое.

Либо... либо у особы, выбравшей такую позу, есть, что сказать. И мне тема разговора может очень не понравится.

– Хотелось бы понимания... – Я замер на пороге комнаты, оперся плечом о дверной косяк и пока проходить не торопился.

Заодно прислушивался к звукам в квартире. Есть весьма большая вероятность, что Филатова тут не одна. С кем? Кандидатур много. Хотя бы тот же Марков. Правда, тогда возникает логичный вопрос, зачем нужно было устраивать великую тайну с передачей ключа. Могла бы просто позвать. Но с другой стороны, может это какой-то хитроумный план.

– Думаю, нам есть, о чем поговорить. – Ниночка вскинула голову и посмотрела на меня с высокомерной улыбкой. Роковая, мать ее, женщина. Вот такая имелась претензия в этой улыбке.

Ну, ясно...значит, все-таки, беседа.

– Весь во внимании. – Я пока не спешил с высказываниями. Хотелось понять, что конкретно мутит эта дамочка.

Представить не могу, какого поведения она от меня ждала. Может, думала, я начну нервничать, переживать, волноваться. Не знаю. В любом случае, мое спокойствие ее слегка раздражало. Нина Ивановна постукивала ноготками по деревянному подлокотнику и этот жест выдавал ее настоящее состояние.

– Максим Сергеевич, кто Вы?

Ниночка смотрела прямо на меня. Внимательно. Ждала, что я отвечу. Зря ждала. Я обсуждать данный вопрос точно не собираюсь.

– То есть Вы весьма странным способом пригласили меня к себе домой, чтоб спросить вот это? Ну, знаете... – Я покачал головой, недоумевая с глупости ситуации. – Извините, Нина Ивановна, завтра тяжёлый день у меня. Не до Ваших игрищ, знаете ли. Рано вставать и все такое. Так что Вы уж не обессудьте, но я пойду.

Развернулся, чтоб покинуть комнату, однако не успел сделать и шага.

– Я знаю, что Вы знакомы с Марковым. А еще я знаю, кто такой Марков. На протяжении почти года он неоднократно обращался ко мне с просьбой добыть ту или иную информацию, связанную с работой завода. Я, может, выгляжу глупой блондинкой, но не настолько же. Естественно, вполне очевидно, Марков – шпион. Враг советского народа, который

работает на наших противников.

– Интересно... – Я снова повернулся к Филатовой лицом. – Думаю, Вы отдаёте отчет своим действиям. Просто если нет... Только что от Вас прозвучало признание, будто Вы помогали человеку, которого, так-то, есть все основания поставить к стенке.

– Отдаю, Максим Сергеевич. Не сомневайтесь. Давайте продолжим выстраивать логическую цепочку. Итак... Марков – шпион. И, да, я причастна к его деятельности по ряду причин. Эти причины сейчас не столь важны. Идем далее. Не так давно Вадим Александрович велел мне добыть чертежи, связанные с работой специальной группы. Как Вы помните, они касаются усовершенствования некоей модели самолёта, производимого на нашем заводе. Тот самый ТУ-128. Перехватчик. И как Вам известно, сейчас ведется работа, связанная с его модификацией – ТУ 128-Б. Проект фронтового бомбардировщика-ракетоносца. Опять же, мы оба в курсе, работа поручена нашему отделу в тесной связке с отделом конструкторского бюро Туполева. Маркову нужны были определенные сведения по этому направлению. Так понимаю, интерес его начальства связан с некоторыми договорённостями между нашей страной и Соединёнными Штатами о разрядке напряжённости и ограничению вооружения. То есть, по сути, мы как бы эти договорённости нарушаем. Но... Произошло нечто странное. Сначала пропал Лев Иванович вместе с теми чертежами, кото-

рые были нужны Маркову. Затем Лев Иванович столь же внезапно нашелся, но мертвый. И в тот же день чертежи снова оказались на месте. При этом, могу точно Вам сказать, ни к факту исчезновения инженера Маслова, ни к его гибели, Вадим Александрович не имеет никакого отношения. Более того, его весьма сильно расстроили оба факта.

– Очень интересная история... – Я слушал Нину Ивановну, сложив руки на груди, и всем своим видом демонстрируя крайнюю степень любопытства. – Еще более интересно, откуда Вы, Нина Ивановна, нахватались таких умных слов. Про договорённости, про бомбардировщик и так далее. Не сочтите за оскорбление, но Вы в некотором роде...глупы. Значит, Вас к этому разговору подготовил кто-то более сообразительный.

– Знаете, Максим Сергеевич, красивой женщине противопоказано быть умной... – Филатова усмехнулась и еле заметно двинула бедром в сторону, отчего халат разъехался еще сильнее. Я мог теперь наблюдать не только коленки, но и все, что выше. Этак скоро стану счастливым обладателем информации, какое сегодня на Ниночке белье.

– Не могу не согласиться. Красивая женщина, обладающая умом, это – самая настоящая катастрофа. И все-таки...хотелось бы понять, к чему ведёт Ваше столь долгое вступление.

– Ах, да... Мы остановились на смерти инженера Маслова. После которой здесь появились Вы. Самое интересное,

ведь и раньше уже бывали на заводе. Но как-то Ваши приезды оставались в тени. В этот раз все иначе.

— Ну, так раньше у Вас инженеры, знаете ли, не дошли без особой на то причины. — Я небрежно повел плечом. Мол, сами посудите, ответ вполне очевиден.

— Логично. — Филатова кивнула, — Но все же... Вы появились, имея рьяное желание выяснить, куда делся Лев Иванович. Правда, почти сразу Маслов нашёлся. А Вы по-прежнему здесь. Да, завтра, насколько нам всем известно, прилетает делегация Кубы. И это, наверное, касается Ваших обязанностей. Но... Вот чего не могу понять. Так-то все вроде бы понятно и очевидно. ЧП на заводе, Ваш приезд, смерть Маслова, Фидель Кастро... но... Как среди всего этого можно объяснить знакомство с Марковым, который, хочу напомнить, является самым настоящим диверсантом, засланным врагом. Еще более интересно, каким боком ко всему Комарова. Вот тут я вообще теряюсь в догадках. Вернее... терялась. До определенного момента. Насколько мне известно, не так давно у вас троих случилась занимательная ситуация в парке. Затем, Вадим, с которым за год достаточно близких отношений, мы ни разу не появились на людях, пригласил меня в театр. Для Вас же не является секретом факт близких отношений между мной и Марковым? Вы совершенно не удивились, когда мы пришли вместе. Не поняли, зачем Вадим это сделал, да. Но не удивились. Кстати, я тоже не поняла. И вразумительного ответа не смогла добиться. Более

того, на спектакль мы пришли в одном настроении, а после речи режиссёра о смерти актрисы, которая, как я помню, не так давно присутствовала в Вашем номере, Марков буквально взбесился. Отвез меня домой, а потом убежал в неизвестном направлении.

– Нина Ивановна, я очень Вам благодарен, что Вы решили столь интересно разнообразить мой досуг различными историями, однако... давайте ближе к делу.

– Хорошо... – Филатова усмехнулась, при этом все так же не сводя с меня глаз. – Мне вот интересно, как отнесется Ваше руководство к той информации, которую я Вам только что рассказала. Насчёт Маркова и всех странностей? Ведь получается, что Вы имеете прямые контакты с врагом. Более того, имеете какие-то общие дела. Комарова – сотрудник спецгруппы. Думаю, ее целью были все те же чертежи. А еще после того, как вы с Вадимом устроили ту занимательную встречу в парке... Он размахивал оружием. Комарова ударила его по голове... А потом в Ваше отсутствие привела в себя и помогла сбежать... Рискну предположить, это было недоразумение, которое возникло между коллегами.

– Коллегами? – Я нахмурился, соображая, что именно имеет в виду Филатова. – Подождите... Ваша речь идет к тому, что мы с Марковым, так сказать, братья по оружию? Считаете меня таким же шпионом, а Комарову моей помощницей? Типа она для меня добывает информацию, как и Вы делали это для Маркова? Seriously?

Судя по выражению лица Филатовой, она именно так и думала.

Я все же прошел в комнату, а потом плюхнулся во второе, свободное кресло. Если честно, просто задолбался стоять. Предполагаю, наша беседа затянется.

– Уверена, я права. Только так можно объяснить все события. И Маслова уговорили сбежать тоже Вы. Просто не имея возможности заполучить чертежи, решили прихватить их вместе с инженером. Однако потом произошло событие, смешавшее Вам карты. Маслова убили. Комарова, скорее всего, хитрая двуличная дрянь. Она все это время работала на Вас, но, видимо, еще и на Вадима.

– О, Господи... – Я провел рукой по лицу, – Если бы Вы знали, Нина Ивановна, как близки эти рассуждения к правде, но в то же время, как они от нее далеки... Так... ладно. Значит, я тоже шпион. Комарова – моя правая рука. Ладно. Остановимся на этой версии. И? Дальше что? Что конкретно от меня хотите?

– Максим Сергеевич... – Филатова подалась вперед. – Помогите мне сбежать из этой страны. И я ни слова не скажу никому о том, что здесь сейчас обсуждалось. Я должна уехать. Непременно должна.

– Круто... А если не помогу? Тогда что?

В этот момент со стороны ванной комнаты послышался тихий звук шагов. Кто-то очень осторожно двигался к нам. Я поднял взгляд, уставившись вперед. Даже интересно, кого

Филатова отрядила себе в помощники.

Буквально через мгновение на пороге комнаты возник Калинин.

Глава 5. В которой я убеждаюсь, что любопытство не порок, а иногда даже благо

– Володя... – Я усмехнулся, покачал головой, а потом посмотрел прямо на Калинина, который по-прежнему стоял на пороге и к активным действиям переходить не торопился.

Это хорошо. Было бы гораздо хуже, начини он сходу морду мне бить. Или какой-нибудь херней в меня тыкать, типа оружия. Я, мягко говоря, и без того на взводе. Сейчас могу контроль потерять. Чувствую это по своему состоянию. А Беляев, все-таки, человек с определенной подготовкой. Даже двумя. Я, конечно, свои возможности в этом плане еще не испытывал, но есть ощущение, что когда мы с Максимом Сергеевичем на нервах, лучше нас не провоцировать. Сильно не хочу брать грех на душу. Вот так пришибу невзначай Володьку и что? Не спать потом по ночам? Мучаться угрызениями совести? Нет. Ну, его на хрен. И так с башкой проблемы. Тут – помню, тут не помню. Не хватало мне еще «мальчика кровавого», в виде являющегося по ночам Калинина. Или как там обычно происходит? Я пока людей не убивал, деталей самочувствия убийцы не знаю. Хреново, что слово «пока» вообще существует в этом предложении.

– Слушай... Вот хотелось сказать, будто удивлён, но, по-

хоже, нет. Не удивлен. Представляешь? С самого начала подозревал, что ты в этом дерьме замазался по уши. Слишком некоторые моменты выглядели странно. Да и так... Совершенно случайно стал свидетелем одного интересного разговора... Нет, ну, ладно эта...

Я повернулся к Нине Ивановне, намекая Калинин, кого имею ввиду под столь нелицеприятной формулировкой. Зато Филатова не сразу поняла, чего это я в ее сторону киваю. Она сидела с торжествующим видом, задрав подбородок. У нее даже плечи расправились еще сильнее. Радость Ниночки, осознание, будто ситуация полностью в ее руках, длилась недолго. Минуту буквально. Потом до дамочки дошло, наконец, ожидаемого эффекта не случилось. Я не испуган, не паникую, а вроде даже наоборот – хамлю, в некотором роде. Филатова от этого как-то слегка погрустнела. Со всем чуть-чуть.

– Ладно эта – дура-дурой... – Продолжил я свою мысль.

– Максим Сергеевич! Вы говорите да не заговаривайтесь!

Ниночка моментально вспыхнула. Она начала понимать, все идет не по плану, но не могла сообразить, в чем прокололась. Я в этот момент тоже пытался сообразить. Хотелось бы понять, в чем, собственно говоря, был их план? Пока что события меня больше удивляют, чем пугают. Это точно.

– Володя, ты-то... – На истеричный выкрик Филатовой демонстративно внимания не обратил. Разговаривал только с Калининым. – У тебя вроде пусть не гениальный ум, но он

есть. Как-то ты ведь жил до этого. На хрена тебе все это нужно? Она за границу рвётся, у нее тут жопа горит. Обложили со всех сторон. Вернее, с одной стороны. Ну, так не хрена лезть в игры взрослых мальчиков. И связываться с этими мальчиками тоже не надо... Что тебе в голову стукнуло? Объясни.

Владимир Александрович смотрел на меня молча, исподлобья, злым взглядом. Пока никаких комментариев с его стороны не звучало. Хреново. Значит, настроился на определённые действия. Интересно, чем его Филатова подкупила? Неужели своим прекрасным телом? Ну, это вообще надо быть идиотом.

– В общем, ребяташки... – Я хлопнул себя ладонями по коленям. – У меня для вас две новости. Обе плохие. Во-первых...можем опустить ту часть нашей занимательной беседы, где вы меня пугаете, шантажируете, угрожаете. Ибо это бессмысленно. Я не смог бы отправить Нину Ивановну за границу, даже если бы очень этого хотел. Поверьте, причина имеется весомая. Да и желания нет. Честное слово. Вторая новость... Я стесняюсь спросить...А что вы собираетесь делать? Душить? Резать? Просто с балкона меня выкидывать смысла нет. Я не убьюсь при всем желании. Не особо там высоко. Да и добровольно ломать ноги себе любимому не собираюсь. Топить? Ну, тоже вряд ли у вас это получится. По голове бить? Совершенно не планирую сидеть без действия, ожидая когда Володя меня тут будет в труп превра-

щать. Такая же у вас цель? Верно? Вы подумали, раз я – шпион, нужно договариваться о сотрудничестве. Но этот пункт мы исключаем, исходя из вышесказанного. Либо... Либо, наверное, решили грохнуть меня. Потом Володька вон, отчитывается о том, что раскрыл агентурную сеть в лице коварного товарища Беляева и гражданки Комаровой. И вам дадут медаль. Или орден. А Маркова куда, Нина Ивановна? Он ведь Вам побольше моего мешает. Тоже по башке и ко мне рядышком? А что? Неплохо, да? Владимир Александрович, как настоящий герой, выявил двух опасных элементов. Рискнул и вышел с ними один на один. Волей судьбы, оба элемента в неравном бою с героем были убиты. Так? Сразу двух зайцев. И шантажировать никто больше не сможет, и Калинин повышение с переездом в Москву светит. Пусть не за границу, но хоть бы в другой город сможете перебраться. А еще, что гораздо важнее, не останется никого, знающего Ваш маленький секрет. Нина Ивановна... Вы просто какая-то паучиха. Честное слово. Всех самцов планируете на тот свет отправить? Володя! Володя, я бы на твоём месте подумал. Этак она и тебя завтра скинет со счетов. Во всех смыслах.

Филатова с Калининым переглянулись. Очень быстро, буквально секунду. Судя по всему, ход их мыслей я угадал верно. Может не тютелька в тютельку, но приблизительно около того. Это – первое. А второе – Калинин совершенно не понравились мои слова. Не про паучиху. Про то, что он не единственный рыцарь в жизни Нины Ивановны и про то,

что у нее есть секреты. Ну, про Мальцева Владимир Александрович в курсе. Про Маркова, выходит, тоже. А вот насчет остального, не уверен. По крайней мере, во взгляде особиста мелькнула досада и настороженность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.